

умеет и любит трудиться. В нем нет ничего выделяющегося, и потому этого тихого, мечтательного персонажа легко трактовать как «маленького человека», такого современного Акакия Акакиевича. Галюшкин — скромный и простодушный человек, чудак, но у этого чудака поразительно богатый внутренний мир. Он идет по жизни с широко открытыми глазами: «Какое-то удивительное чувство поселилось у него в груди и не давало покоя, и он радовался этому и тихонько смеялся над собой». В наивном простодушии — незащищенность, слабость Галюшкина, но в том же и его немалая сила. Непосредственное восприятие мира помогает герою осознать, почувствовать все неизбежное богатство жизни. Простые, органичные чувства Галюшкина окружающим чаще всего непонятны, а сам он часто не может их высказать. И он глубоко страдает от своей немоты, ибо видит, как неправильно, «в разных измерениях» живут его друзья. Им хочет помочь Галюшкин,

но не всегда это получается.

Этот своеобразнейший характер становится центром повести. Все обращено к Галюшкину, ничто не может выделиться без его чистого взгляда. И писатель соответствующим образом организует художественный материал повести, очерчивая по-своему обаятельный облик главного героя. Галюшкин — бесспорная удача В. Мирнева. И эта удача — результат верного выбора героя и темы, собранной, напряженной творческой работы. Надо также отметить, что, написав «Галюшкина», писатель сам себе, своей будущей работе в прозе поставил весьма высокие задачи и требования. После этой вещи надо с еще большим вниманием работать над прозаическим словом, повышать его культуру и богатство. И тогда будут обретения, шаги вперед.

Новая книга Владимира Мирнева свидетельствует о том, что у писателя есть эта смелость и сила поиска, стремление к постоянному совершенствованию.

Вс. САХАРОВ

ГДЕ ТВОЙ ДОМ?

С фантастикой дело обстоит просто. Кто ее не любит, тот не читает. Кто читает, тот любит. «Случайного» читателя у писателей-фантастов почти не бывает. Но справедливо говорят: любовь слепа. И слишком часто потребители фантастической литературы бы-

вают невзыскательны к предмету своей любви. А ведь невзыскательность серьезно влияет и на уровень самого жанра.

Соображения эти можно, к сожалению, подкрепить множеством фактов, но непосредственно на размышления натолкнула меня повесть А. Мирнера «Дом скитальцев». По необходимости обрисую вкратце ее сюжет.

А. Мирнер. Дом скитальцев. Фантастическая повесть. М., «Детская литература», 1976.

К Земле приближается космический корабль пришельцев — представителей иной цивилизации. Планы пришельцев весьма зловещи: захват планеты, захват бескровный и тем более ужасный. Дело в том, что пришельцы изобрели способ запечатлевать в каких-то кристаллах сознание разумных существ. Слепок с сознания мог существовать и после смерти бренного тела. И вот тела умирали, «сознания» накапливались, и пришельцам стало трагически не хватать... тел, куда можно было бы пересадить бесплотные «сознания» — «мыслящих», как они их называют. Обладание телом вообще стало большой привилегией, даже наградой, а пересадка сознания в тело низших существ — каких-нибудь животных, например, — ссылкой...

В поисках планет, заселенных необходимыми телами, рыщут по космосу разведочно-захватнические корабли. Добрались они и до Земли. При чем спасения от них нет никакого. Достаточно приблизиться на несколько шагов к так называемому «посреднику», маленькой корбочке, содержащей в себе «мыслящего», как в человека переселяется чужое сознание, а сам он как личность перестает существовать. Правда, его собственное сознание при этом не пропадает вовсе, а существует удивительным образом где-то в глубинах мозга.

Пришельцы высаживают десант в небольшом городке Советского Союза и быстренько переселяются в тела ничего не подозревающих землян, подготавливая посадку огромного корабля, начиненного миллиардами «мысля-

щих», жадно ждущих телесной оболочки.

Мрачную картину рисует А. Мирер. Люди превращаются в пришельцев один за одним, еще немного — и конец человечеству. Но... пришельцы не предусмотрели одного обстоятельства, которое предусмотрел писатель. Оказывается, они не могут вселиться в сознание детей моложе 14 лет. Почему? Ученые в повести на этот вопрос ответить не в силах, но, думаю, проницательный читатель поймет: если бы не это, А. Миреру просто не удалось бы создать свое произведение.

Так спасителями человечества становятся два подростка. Да и то совершенно случайно. Случайно оказываются они у окна в момент переселения души из «посредника» в знакомого Федю-гитариста, случайно узнают место высадки десанта. А в один из критических моментов мальчик Степа вовремя «разгипнотизировал» ученого Портнова, выключив «посредник». Удалось ему сделать это с помощью автора, снабдившего «посредник», это недоступное человеческому разуму создание инопланетной техники, выключателем из двух ниточек, да-да, архаических ниточек. Почему? Да потому, что в этот момент Степе иначе в «посреднике» не разобраться. Как видно, автор не очень утруждал себя стремлением к правдоподобию...

Нужно заметить, что писатели-фантасты обычно стараются перенести действие своих произведений или в далекое будущее, или в некую абстрактную, явно капиталистическую страну. Это понятно: иначе трудно создать достоверный фон для сюжета,

раздражают поминутные несовпадения и несоответствия. А для фантастики достоверность — немаловажное условие.

А. Мирер бесстрашно направляет пришельцев в наши дни, в нашу страну, и это делает его повесть особенно уязвимой.

В конце первой части повести, узнав с помощью Стелки планы пришельцев, «наше командование», оценив город Тугарин, готовится сбросить водородную бомбу. Пришельцы очень боятся уничтожения множества своих «мыслящих», им дорого и каждое тело на чужой планете. Штаб, так сказать, «наших» вооруженных сил в повести А. Мирера гораздо проще относиться к человеческой жизни. Если надо будет уничтожить несколько десятков тысяч ни в чем не повинных людей — конечно, «во имя спасения человечества», — уничтожим. Так просто решает писатель подобные проблемы.

Пришельцы эвакуировались, испугались. Только писатель А. Мирер ничего не боится. Есть ведь и вторая часть повести: угроза не миновала, пришельцы оставили замаскированных резидентов, готовых пробраться к управлению ракетными установками... Все решают считанные дни.

Спасителями человечества становятся на этот раз... Кто бы вы думали? Правильно, угадали, снова двое ребятшек. Их сознание, оказывается, не только не подчиняется пришельцам, но и само способно подчинить себе их волю. События разворачиваются и впрямь фантастические. Сева и Маша переселяются в тела двух обитателей планеты пришельцев.

С помощью некоего «инвертора» слепок их сознания переносятся на расстояние в несколько сот (или тысяч?) световых лет. Ребята вступают в борьбу с могущественными и многочисленными врагами. Правда, выясняется, что на этот раз избавление Земли от порабощения лишь часть, и не главная часть, планов подпольной оппозиции «замкнутых», которая существует на «базовой планете». Используя особенности сознания земных детей, «замкнутые» подготавливают захват власти. Цели у них вроде бы благие, но интересы человечества им в большой степени чужды. «Для вас Земля — центр Вселенной. Для нас — эпизод», — говорит «замкнутый».

Не удовлетворяясь относительно простой расстановкой сил в первой части, А. Мирер живописует умопомрачительные интриги, осложненные постоянными подменами сознания и переселением душ. Фантастическая планета, наводненная всякими чудесами и чудищами, однако, впрочем, враждебными и друг другу, и землянам, запутанная иерархия местных чиновников и владык, опасности, подстерегающие Севу и Машу на каждом шагу... Страницы повести заполнены специальной «космической» терминологией. Причем, кроме общепотребительных «фантазмов» (то есть терминов, которыми писатели обозначают предметы и явления, на самом деле не существующие, например «бластер» — лазерный пистолет), А. Мирер предлагает множество новых. Невольно испытываешь к автору известное уважение: ведь это придумать надо было! Но и себя, читателя, хочется немного пожалеть — ведь и

разобраться в этом непросто...

Как страшный сон миновали дни нашествия, ничего не прибавив ни к нашему знанию, ни к пониманию космоса и собственной жизни. Ничего не вынесли герои повести из кошмарных приключений и переселений. И впрямь непробываемое, по мысли А. Мирера, сознание у земных ребят. Ведь, кажется, десятой доли подобных переживаний хватило, чтобы надолго угодить в неврологическую клинику...

Человечество спасено на этот раз. Надолго ли — неизвестно. Есть, впрочем, надежда, что детишки и в будущем не подведут.

Конечно, у фантастики свои законы, жанровые, так сказать, особенности. Но, думаю, фантасты не обидятся, если назвать их произведения литературой. Стало быть, и судить о них надо по законам литературы. И тогда возникает вопрос: в какой мере ответствен писатель за нагромождение нелепостей и несуразностей? Возникает вопрос: во имя чего, строго говоря, предпринят им этот труд?

Поговорим о жанре. Есть фантастика научная. Правда, к ней теперь обращаются все реже: так фантастична в наши дни сама наука. Понятно, что «Дом скитальцев» к научной фантастике отнести нельзя. Повесть на это и не претендует.

Наиболее, пожалуй, перспективна фантастика социальная. Используя некие фантастические допущения, писатели предпринимают исследования человеческого характера или даже целого общественного слоя в так называемой «пограничной ситуации». Контакт с неземны-

ми цивилизациями — прием не новый и оправдавший себя. Любители фантастики помнят, как прекрасно использовали его Ст. Лем, К. Саймак, Р. Брэдбери. Можно вспомнить и истоки — Г. Уэллса с его «Войной миров».

Но у А. Мирера нет исследования характера, потому что нет и самих характеров. Есть готовые клише: немногословный и проницательный генерал, суровая и отзывчивая врачиха, благородный и чудаковатый ученый. И еще сообразительные, милые, ответственные дети, спасшие человечество. Не исследуются и общественные процессы. Во второй части повести А. Мирер рисует картину тоталитарного общества, но картина эта, не считая деталей, по существу, так же шаблонна, как и герои. Нет и контакта цивилизаций — есть только непримиримая война. Так что и социальной фантастикой повесть «Дом скитальцев» тоже не назовешь.

Остается, однако, еще один жанр фантастики — приключенческий. Тут фантастический антураж — простой доводок к сюжету. Могут быть джунгли, могут быть индейцы или ковбои, можно сражаться с бандитами, можно с пришельцами. Только с пришельцами проще — безответственной. Жанр приключенческой фантастики, не отягощенной особыми размышлениями и концепциями, широко распространен в зарубежной литературе, есть там и свои корифеи — Г. Гаррисон, Э. Берроуз. Что же, динамический сюжет, захватывающее действие, отважные герои — все это неплохо.

Однако жанр жанром, но

есть и объективное содержание. Поэтому имеет смысл бросить такой «внежанровый» взгляд на то, что утверждается в повести «Дом скитальцев».

Прежде всего жестокость. Причем жестокость не только пришельцев, но и землян. Таковы, говорит автор, законы борьбы. Даже детишки просто свирепеют, хватая пистолет или бластер. Причем, следуя мысли автора, расправляться приходится со своими же близкими, теми, в кого переселилось сознание пришельцев, теми, кто только что был тебе другом, учителем. И ничего. Мальчики твердой рукой нажимают спусковые крючки бластеров и пистолетов.

«...На таком расстоянии вам разнесет голову в клочья», — угрожает Степа Портнову. «Степка прыгнул, отшиб крышку... Блеснула синяя рукоятка, он схватил ее и выстрелил наудачу, одновременно нажав на спуск и предохранитель». Не отстает от Степы и его ровесник Алеша: «...я извернулся и поймал пистолет за рукоятку, боком. И в тот момент, когда Десантник поднялся на колени и нацелился на меня зеленой коробкой, я пошал большим пальцем в скобу и нажал спуск. Это был боевой пистолет, я узнал его. Макаровский, из тира. Полутоновый удар его пули бросил Сурена Давидовича на бок».

На планете пришельцев Севка лишь с легким сожалением думает о помогавших ему и потому обреченных на гибель инопланетянах. Что ж, раз надо — значит надо.

А если вспомнить наших, земных генералов, готовых сбросить атомную бомбу на свой город с гражданским на-

селением, картина вырисовывается весьма однозначная: цель оправдывает средства.

С другой стороны, незаметно и исподволь детям среднего и старшего возраста (им адресована книга) внушается мысль об их исключительности, избранности. «Для того чтобы оказать сопротивление «посреднику», нужно быть гением или ребенком», — говорится в повести. Логика такая: сопротивляешься, подчиняешь себе — значит, гений.

Помимо всего прочего, в повести изображен удивительно убогий провинциальный быт. Старорежимные старушки, судачащие о секретных штабах, старички с висячими усами и в допотопных сандалиях, Федя-гитарист, кумир девчонок из продмага, недалекий и дубоватый начальник городской милиции — славные, в общем милые, но какие-то убогие люди. Вот те, кого гениальные дети спасают от вооруженных фантастическими знаниями и высочайшей техникой пришельцев. А Мирер описывает ощущения Севки, который готов совершать свои подвиги на чужой планете ради тихо заснувшей на веранде их домика мамы. Мысль благородная, но слишком явно противопоставление спящих или пребывающих в спячке обывателей и героев, гениев, призванных думать, действовать, совершать подвиги за них за всех. Не исключено, что герои, подумав, решат, что за гениальность им нужны особые привилегии. А тогда и сами станут завоевывать другие планеты.

Там, на планете пришельцев, обитатели разделены на касты, подчинены тоталитар-

ному фашистскому режиму, забиты, запуганы, лишены свободы воли, пребывают в постоянном страхе, что их лишат тела всемогущие властители. «Создана» военно-полицейская система, которая стремится к одному — сохранить самое себя. Технические средства делают ее всемогущей», — объясняет землянам «замкнутый» революционер. «Ну и болваны здесь живут, — размышляет Севка. — Нипочем я не стал бы жить в таком обществе». Впрочем, подумав, он добавляет: «А куда бы ты делся?»

Ведь и на Земле жизнь людей изображена А. Мирером довольно унылой. Ничего не создающие, косные, подчиненные стадному чувству, они сперва поработаются пришельцами, а затем ждут, когда их освободят те, кто способен размышлять и сопротивляться «чужому сознанию». Да, таких и спасая особо уважать не станешь. Но, думаю, сами люди тут ни при чем. Дело в позиции автора.

Сила любой литературы, в том числе и фантастической, в реалистичности, в гуманности. Логика фантазии, если так можно выразиться, призвана приблизить читателя к пониманию реальной жизни. Автор «Дома скитальцев», сам, быть может, того не желая, пришел к позиции, одинаково далекой и от реализма и от человечности.

Да, не просто обстоит дело с фантастикой. Кто ее любит, тот ведь ее читает. Стотысячный тираж повести А. Мирера не лежал на прилавках. Захватывающий сюжет, фантастические приключения — достаточная приманка, чтобы «проглотить» книгу. При этом можно и не заметить ее недоброкачественный привкус. И ведь появятся следующие похожие повести беззаботных авторов. Но пришельцев много, а Земля одна. Земля — наш дом, не дом скитальцев, а дом людей, которым, право же, надо заботиться друг о друге.

Георгий СУРИН

РОЖДЕНИЕ КОНСТРУКТОРА

Александр Беляев — офицер Советской Армии, его писательское становление проходило в армейском строю, и те, с кем делил он ночные тревоги, тяготы учебных походов, солдатский хлеб и

первые радости командирских успехов, уверенно входят в его книги главными героями. О людях в армейских шинелях повествует и вышедшая недавно в военном издательстве книга А. Беляева «Взлетная полоса», объединяющая первую часть одноименного романа и повесть «Становление». Повесть о трех друзьях

Александр Беляев.
Взлетная полоса. Роман и повесть. М., Воениздат, 1976.